

А. Карантин и В. Перович

МИР ЗАТОПИЛИ СОСЕДИ

* содержит сцены
курения водорослей
и употребления
сомнительных
напитков

18+

А Карантин В Перович Мир затопили соседи

<https://litres.ru/74168823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как увязать магию и экономику, могут ли быть культурные аспекты у парадокса Великого молчания, есть ли прикладная сторона у квантовой запутанности, как на самом деле проявляется вселенское равновесие, и что делать, если у вас аллергия на рыцарство - всё это и многое другое можно узнать, отправившись в ненаучно-фантастический трип по страницам странных дневников, найденных в городе, которого нет ни на одной карте.

Содержание

Краткое обращение от авторов	4
Мир затопили соседи	5
Дело Синего Октопуса	23
Морковная фея или Лох-Мерзкое Чудовище	38
Великая Электромагнитная аномалия, Генсек-	64
Танк и 4,5G	
Конец ознакомительного фрагмента.	74

В Перович, А Карантин Мир затопили соседи

Краткое обращение от авторов

Авторы со всей ответственностью заявляют, что курение водорослей (если, конечно, они не занесены в Красную книгу) не запрещено законодательно ни в одной стране мира.

Мир затопили соседи

Мир затопили соседи. Никто толком не понял, с чего всё началось, но, когда с потолков сначала по каплям, а потом настоящим потоком полилась вода, всем стало не до разбирательств. Свободные ёмкости слишком быстро заполнялись, вода текла на пол, на ней оскальзывались, спеша с очередным полным ведром по узким коридорам старых квартир. В домах пахло подгнившим паркетом, сырыми обоями и невероятным раздражением не понимающих, что происходит, людей, кое-где смешивающимся со страхом.

Коммунальные службы отказывались комментировать ситуацию, и в итоге десятку наиболее ловких журналистов каким-то непостижимым образом удалось выяснить, что коммунальные службы молчат, поскольку их затопило.

Следом за водой пришли водоросли. Зеленые и скользкие, они быстро заполнили всё вокруг, и, когда вода прекратила течь, так же внезапно, как и начала, тяжёлые от влаги плотно утрамбованные пласты ещё долго и весьма неэффективно сгребали с улиц Города, где экскаваторами-погрузчиками, а где и просто лопатами, а потом в кузовах больших дурно пахнущих машин увозили в неизвестном направлении.

Когда в моей квартире ни свет, ни заря раздался телефонный звонок, и голос, явно привыкший раздавать приказы,

пролаял что-то насчёт «немедленно явиться», я не очень-то удивилась, как не удивлялась и Городу, превратившемуся в отвратительное болото. Тень удивления шевельнулась во мне лишь раз: по пути к автобусной остановке я имела неосторожность не заметить небольшую выбоину в асфальте, уже лет десять украшавшую собой нашу дорогу. Сделав очередной шаг по зелёной жиже, под которой предполагалось наличие земли, я вдруг не обнаружила никакой опоры и провалилась по пояс, а потом, клянусь, вынуждена была проплыть метров десять, барахтаясь в тёмной холодной воде и раздвигая руками вездесущие водоросли, пока наконец не нащупала прямо перед собой край асфальтового покрытия.

В общем, на место я прибыла продрогшей до костей и далеко не в лучшем из своих настроений, предаваясь размышлениям о плюсах и минусах высшего образования. Плюс по большому счёту был один — тебе разрешалось ходить в Библиотеку, где ещё сохранились пусть не все, но хоть какие-то книги и подборки научных журналов. Твоя специальность не имела значения, ты просто получал вместе с дипломом небольшой кусочек твёрдого картона с острыми углами и печатью «читатель», и этот кусочек давал тебе право читать всё, что только на глаза попадётся. Лично для меня это стоило того, чтобы терпеть неудобства. Например, такие вот вызовы неизвестно куда, ведь Человек с Образованием должен был помогать другим решать Проблемы. Любые. В любое время дня и ночи. Бесплатно, разумеется. И абсолютно вне

зависимости от специализации. Поэтому, выпустившись из Института и приехав в город, мы собирались в Библиотеке и делились опытом, а также читали всё подряд, пока не становились довольно универсальными специалистами. Так что, несмотря на моё желание сидеть в тишине читального зала и заниматься переводами древних текстов, большую часть времени я или повышала квалификацию в вопросах, которые в Университете могли бы описать как «не входящие в сферу моих научных интересов», или ездила по городу на поскрипывающем и вздрагивающем всем своим старческим телом на любом ухабе автобуса, готовая как починить кран, так и принять роды.

За это нас уважали. Не настолько, чтобы снизить до благодарности или оплаты труда. Но по крайней мере вполне достаточно, чтобы пустить в автобус человека, с одежды которого текла вода и свисали сине-зелёные водоросли. Предъявившего своё удостоверение, разумеется.

Итак, высадившись в положенном месте, я немного прошлась пешком, стараясь смотреть под ноги так внимательно, как только могла, но всё равно постоянно ожидая и страшась момента, когда под ногой снова окажется лишь пустота, холод и чавкающая где-то ближе ко дну жижа, поднялась по ступенькам и оказалась перед дверью, среди окружающего её хаоса выглядевшей почти оскорбительно белой. Иметь такие белые двери означало либо бросать серьёзный вызов обществу, либо быть носителем привилегий посерьёзнее образо-

вания и бережно хранимого кусочка картона.

Дверь распахнулась мне в лицо.

— Разберитесь! — рывкнуло возникшее в проёме существо, в котором далеко не сразу удалось распознать человека.

— В чём именно? — рискнула спросить я, но вместо ответа лапища человекоподобного существа сунула мне в руки какую-то бумагу и захлопнула дверь. Перед глазами напоследок мелькнули белая лайковая перчатка и край рукава цвета морской волны. Всё стихло. Откуда-то слева раздался и затих пронзительный звук работающего перфоратора.

* * *

Автобус скрипел и качался даже больше обычного. Последний пассажир вышел ещё пару остановок назад, и водитель уже не в первый раз выглядывал из кабины, чтобы проверить, не освободила ли я его от необходимости завершать маршрут. Я, к огорчению своего личного Харона, никуда не делась, продолжая всё так же сидеть, слегка покачиваясь на пружинах сидения, и разглядывать выданный мне документ. Серый полупрозрачный прямоугольник, стандартный бланк, заполненный от руки совершенно нечитаемым почерком. Две синие печати. Адрес, разобрать который удалось лишь благодаря тому, что он был напечатан, хоть и чернилами, в своём низком качестве умудрившимися перешеголять даже безобразную бумагу. И аббревиатура. Конечно же, без расшифровки. МинБезВелД. «Бездорожья? Безнадёжности?» - вяло гадала я, стараясь отвлечься от ощущения хо-

лодной, всё ещё не высохшей одежды, голода и вездесущего запаха сырости.

Покружив по опоясывающей город дороге в последней надежде, что покидать его пределы не придётся, автобус наконец свернул на уходящую вдаль грунтовку. Болото, захватившее весь город, осталось позади. О нём напоминали лишь грузовики, мерно катившие свои колёса из ниоткуда в никуда. В кузовах одних высились покачивающиеся пирамиды водорослей, другие ехали порожними. Зелёный цвет хоть немного оттенял корпуса цвета дорожной пыли, и я невольно задумалась, существует ли место, куда отвозят все эти водоросли, и если да, то похоже ли оно на зелёное поле. Впрочем, более вероятным казался сценарий, в котором водоросли отправлялись прямиком на завод, где царствовали черные конвейерные ленты и серые коробки, способные помочь расфасовать и отправить куда-нибудь подальше всё, что угодно.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметила, что автобус больше не едет. Вокруг, на сколько хватало глаз, тянулись серые поля, посреди которых каким-то непостижимым образом оказалась автобусная остановка.

— Приехали! — крикнул водитель, — Выходите!

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Он забыл нас, — сквозь шум проснувшегося двигателя расслышала я, и только когда автобус, окружённый ореолом пыли, стал удаляться, поняла, что ослышалась. «Обратный рейс — один раз». Вот, что он сказал. Один раз — во

сколько? Расписания на остановке конечно же не оказалось. Я снова не удивилась. Удивляться не было никакого смысла. Я обошла автобусную остановку по кругу и увидела уходящую вдаль полузаросшую тропинку.

* * *

Есть ли в мире вещь более бессмысленная, чем стоящие среди чиста поля ворота? Я переминалась с ноги на ногу прямо перед ними, смотря на металлическую табличку, гласившую: «МинБезВелД». При каждом порыве налетавшего ветра, заставлявшем меня ежиться от холода, её крепления издавали протяжный скрип. Я размышляла, почему мне нужно непременно пройти сквозь ворота, и нельзя ли обойти их по кругу. Вопрос занимал меня до такой степени, что я продолжала просто стоять и смотреть в пустоту, на месте которой полагалось быть если не стене, то хотя бы забору, натянутой сетке, хоть чему-нибудь, лишь бы не совершенно свободному пространству. Табличка над моей головой продолжала душераздирающе скрипеть и качаться. Когда-то давно она наверняка была синей, но затем потеряла всякий цвет, слившись с окружающей бесцветной действительностью. Зачем-то же здесь поставили эти ворота? Или забор просто сломался, и его не починили? Или он есть, просто упал и валяется теперь прямо там, в этой пожухлой траве, постепенно ржавея и уходя в землю?

Передо мной стоял Выбор. Ерундовый, но самый настоящий и совершенно не похожий на тот, что нам обычно предо-

ставлялся в городе. «Решение за вами, но проголосовавшие «против» будут выселены из квартир». Идти или не идти? Я осторожно сделала шаг, с пыльной дороги — в не менее пыльную траву. Ощущение бунта было ослепительным, будто из-за наших вечных туч вдруг выглянуло солнце. Я сделала ещё шаг. Воображение с некоторым опозданием предложило мне вариант, в котором дорога вела через минное поле. Следующий шаг дался сложнее всего. А потом я побежала, огибая ворота со сводящей с ума табличкой по широкой дуге. Лежащего на земле забора нигде не оказалось.

* * *

Больше всего это место напоминало полузаброшенный пионерский лагерь или больницу. Пара трёхэтажных зданий, расположенных друг к другу под углом, выглядели так, будто стесняются собственного существования и изо всех сил стараются казаться менее заметными. Немногочисленные сотрудники называли своё место работы просто — Учреждение. И если бы кто-то решил спросить, в чём именно состоит их работа, они вряд ли смогли бы ответить. Исключение составлял разве что Проводник. Вот он-то точно знал, что нужно делать. Он и, может быть, ещё Доктор. Во всяком случае, некоторое время назад. Намного раньше. На заре существования Учреждения, по крайней мере. Вероятнее всего, знал.

Два трёхэтажных здания, расположенные друг к другу под довольно нелепым углом, смотрели на меня очень официальными окнами. Вид их был настолько торжественно-обез-

личенным, что ты невольно задумывался, почему стоящие на подоконниках цветы не одеты в форму.

Перед главным входом были разбиты грядки, на которых, судя по всему, росла морковь. Её жиденькие листья до странности напоминали крысиные хвосты, и я поспешила пройти мимо, подняться по ступенькам и войти внутрь, стараясь не думать ни об этом сходстве, ни о том, зачем кому-то понадобились морковные грядки на входе в официальное учреждение.

Женщина на проходной улыбнулась мне лучезарной улыбкой, несколько более широкой, чем ожидаешь от человека, и попросила показать направление. Я протянула ей свою бумагу, невероятным образом успевшую помяться.

— Цель визита? — спросили меня, по всей видимости, не найдя ответа на этот вопрос в предложенном документе.

— Разобраться, — не очень-то надеясь на успех, ответила я, потому что, во-первых, это было правдой, а во-вторых, ничего другого всё равно не приходило в голову.

Полностью удовлетворённая ответом, женщина пропустила меня внутрь, назвав номер кабинета, в который мне надлежало обратиться со своим вопросом. Из этого кабинета меня направили в другой. Потом (весьма раздражённым тоном) — в третий. Из третьего пришлось спастись чуть ли не бегством, потому что посетителей по чётным дням недели там не принимали. Работающий по нечётным дням кабинет обнаружился в другом крыле. К этому времени сменя-

ющие друг друга безликие коридоры стали порядочно действовать мне на нервы. Простояв под закрытой дверью последнего кабинета с час, я решила, что с меня хватит. Пора отправляться обратно. Дождаться автобуса, вернуться к заказчику и объяснить, что по указанному адресу не принимают. И вообще, путь найдёт себе другого исполнителя. Лучше заплатить штраф за невыполненное задание, скрыться в Библиотеке и попытаться изгнать из головы воспоминания об этом странном месте, чем застрять здесь на неопределённый срок. Не давая себе всерьёз задуматься, приняли бы меня, пройди я утром через ворота, я спустилась вниз. Здесь меня ждал сюрприз.

— Запрещено, — улыбаясь жизнерадостной улыбкой сытого тигра, объяснила женщина. Я наклонилась, пытаюсь заглянуть через ограждение и рассмотреть на бейджике её имя или хотя бы должность, но разобрала только «-ик» на конце.

— Но извините, кабинет сегодня закрыт, мне нужно возвращаться к своим обязанностям, — попыталась объяснить я.

— Сначала вам нужно поставить подпись — здесь и здесь, видите? Обходной лист. Боюсь, без него никак.

— Хорошо, — вздохнула я. — В каком кабинете подписать?

* * *

Под дверью обнаружили все трое Читателей нашего города.

— Ого, — только и смогла выдохнуть я, испытывая невероятное облегчение, что наконец-то вижу кого-то знакомого среди этого кафкианского кошмара.

— Привет! Тоже не понимаешь, что происходит? — улыбнулся Номер Первый, самый старший и опытный из нас.

— И вы не понимаете?

— Мы пока ждём.

— Вместе ждать веселее.

Разговоры с Читателями значились в списке моих любимых дел сразу после собственно чтения, а иногда и лидировали. Я уже предвкушала пусть краткое, но возвращение атмосферы Университета, где мы сидели в тесном кругу вокруг печи, стоящей прямо на полу огромной полутемной аудитории, и внимали пожилым профессорам, казавшимся оплотом мудрости и неиссякаемым источником знаний. Когда-то, вероятно, в коридорах Университета было многолюдно, но сейчас под потолком свили гнёзда голуби, кампус не отапливался, а в арках роскошных деревянных потолков поселилась тьма, осветить которую было не под силу ни одному из тех слабеньких то и дело разряжающихся фонариков, что нам выдавали для перемещений по зданию.

Мы всегда держались кучками, что было несложно, ведь весь курс состоял из пяти-шести человек. Оказаться во тьме с севшим фонариком не хотелось никому. Особенно после того, как каждый год перед самыми выпускными экзаменами пара-тройка студентов стала загадочным образом пропадать.

Большинство верило в мифы о Книжном Черве, утаскивающем студентов в своё логово, но некоторые в ночной тишине общей студенческой кухни вполголоса обсуждали и другие теории. Поговаривали, что богатеям из городов нужны образованные слуги, и университет продаёт студентов им, чтобы оплатить долги. Конечно же, такие разговоры жестоко пресекались, но слухи, родившись, упрямо расплзались вновь и вновь.

Университет был странным местом. Но как же я хотела остаться в нём навсегда. Реальность, к сожалению, распорядилась иначе.

От воспоминаний меня отвлёк голос Номера Три.

— А ты что думаешь?

— Я Что ты говорил? — возвращение в реальность вышло неприятным. Вокруг всё ещё был унылый коридор Учреждения, стоящая перед дверью кабинета скамья осталась такой же жёсткой и неудобной, а начавшаяся было дискуссия быстро свелась к довольно беспомощным попыткам угадать, зачем нас собрали здесь, предположениям, что будет дальше, и беспокойству, как бы в городе чего не случилось, пока все четверо Читателей отсутствуют.

— Доктор. Что-то он долго, да?

— Может, его там вообще нет, — предположил Номер Два.

— Слушайте, а вы прошли через ворота или обошли вокруг? — неожиданно даже для себя спросила я.

Лампочка над кабинетом, украшенным бронзовой табличкой с лаконичной надписью «Доктор», мигнула красным.

— Войдите, — раздалось из-за двери.

* * *

Доктор оказался тщедушным старичком в белой шапочке и распахнутом медицинском халате. Под халатом виднелся изрядно потёртый вязаный свитер, украшенный парой прожжённых дыр и узором, призванным, по всей видимости, изображать мощнейший приход.

— Вот и вы, — он захихикал и открыл огромный пыльный журнал, исписанный бисерным почерком. На что жалуетесь?

— Мы не жалуемся, - начал было Номер Два. — Мы разобратся.

— В чём? В себе, в других, в устройстве Вселенной? Или может быть с кем? — доктор посмотрел из-под очков, которые каким-то непостижимым образом оказались у него на носу, острым, весьма проницательным взглядом, но затем опустил глаза в журнал и снова захихикал. Смех был странным, будто по кабинету разом запрыгали десятки каучуковых мячиков. Их захотелось немедленно переловить.

Мы переглянулись.

— Так что?

— В Городе, — медленно, явно считая Доктора безнадежно больным, заговорил Номер Первый, — нам было дано задание с формулировкой «Разобраться» и адрес вашего учреждения.

— МинБезВелД, — отрезал Доктор.

— Именно так. Но здесь нам, к большому сожалению, помочь не смогли. Поэтому мы хотели бы вернуться обратно. Вы подпишете нам разрешение на выход?

— Выход вход не тот, ха, — ни к кому конкретно не обращаясь, сообщил Доктор и, уткнувшись в свой журнал, начал что-то быстро записывать.

Повисла тишина. Чувствуя, что беседа рискует затянуться, я посмотрела в окно. За ним простирался абсолютно безрадостный пейзаж: серое небо сливалось с серым же полем.

Тишина становилась неловкой. Доктор всё писал. Не зная, куда деть глаза, я снова взглянула в окно и замерла: там, где ещё недавно было лишь серое поле, теперь отчётливо виднелись кусты, край здания и даже морковные грядки.

— Избушка-избушка, повернись к лесу задом, ко мне — передом, — пробормотал Номер Три.

— Верно! — вскричал Доктор.

Все подскочили.

— Разрешение на выход, — вежливо напомнил Номер Один. — Вы подпишете его? Мы действительно торопимся. — Для меня оставалось загадкой, как ему удавалось сохранять такое спокойствие.

Кабинет качнуло. Глянув в окно, я увидела, как кусты и грядки плавно отъезжают в сторону. Пол вздрогнул, и нас начало поднимать вверх. Качнулись и полетели со стола вниз песочные часы.

— Кофе? — светским тоном поинтересовался Доктор.

— Выпустите нас! — закричал Номер Два.

— А я выпью.

Доктор встал и, слегка пошатываясь на продолжающем мерно покачиваться полу, подошёл к шкафу. В нём обнаружилось порядком погнутое металлическое ведро на ножках. В целом конструкция напоминала нечто среднее между самоваром и самогонным аппаратом. Доктор пнул ведро коленом, оно издало тихое «чпок», и откуда-то снизу в подставленный стакан полилась желтовато-коричневатая мутная жидкость. Запахло анисом.

В окне медленно проплыло чудовищных размеров крыло.

— Это и правда Избушка? — не видя смысла сохранять молчание, спросила я.

— Похоже на то, — ответил Номер Первый. — И я думаю, не выпрыгнуть ли нам через окно.

— Поддерживаю вас, коллега, — кивнул Номер Два.

И в этот самый момент Доктор чётким, отработанным движением опрокинул стакан.

Избушка завибрировала, издала гортанный вскрик, которому позавидовал бы любой птеродактиль, и понеслась.

Нас опрокинуло на пол.

— Что происходит? Я требую, чтобы мне объяснили! — кричал явно кто-то из наших, но мне почему-то никак не удавалось идентифицировать голос.

— Вперед! Прочь! — откуда-то из-под рухнувшего шкафа

воскликнул Доктор.

За окном, размазываясь в одно расплывчатое пятно, замелькали сначала поля, затем — редкие деревья. А потом Избушка вбежала в лес.

Мир на глазах обретал краски. Не в силах оторваться, мы смотрели на пятна яркой зелени, желтые и красные листья, белоснежные цветы и стремительно проносящиеся мимо голубые озёра.

Из-под крыши снова полило. Должно быть, прохудилась. Или её и вовсе сорвало от бешеного бега, кто знает. Избушка ломилась через лес. Вода хлестала во все стороны, прямо с неба, и становилось понятно, что наш мир — лишь один из этажей многоэтажки, и прямо сейчас нас снова заливают соседи.

Под хохот Доктора избушка неслась вдаль.

Я очнулась, лёжа на каменных ступенях у входа в Библиотеку. Очевидно, от того, что Первый настойчиво звал меня по имени. Вернее, по номеру.

— Ох ради бургомистра, что случилось? — выдохнула я. — Голова была тяжёлой. Мысли в ней двигались медленно и бессмысленно, как подвыпившие слизи. Мышцы, которых в организме оказалось неприятно много, ломило.

— Проверка. Так здесь сказано, — первый поднёс к моему лицу какой-то Документ. Прочитать я ничего не смогла, буквы расплывались перед глазами, но обилие синих печат-

тей внушало уважение.

— Мы прошли?

— Очень сомневаюсь.

Рядом раздался стон. Я кое-как повернула голову. Номер Третий, сложившись пополам, прижимал к груди руку, согнутую под определённо нездоровым углом. Второй безуспешно пытался уговорить его показать пострадавшую конечность.

Переждав приступ головокружения, я вернулась к наблюдениям. Первый выглядел бледным, но живым и невредимым. Второй, кажется, тоже был в порядке. Я что ж, видимо, отделалась легко. В голову пришла неприятная мысль, что Третий обязан своей сломанной рукой тому, что именно он в Университете обучался музыке. Интересно, произошло это в Учреждении или уже после. «Ворота. Стоящие среди чиста поля ворота, ветер и протяжный скрип таблички» - вспомнила я. А потом в голове будто включили свет.

Некоторое время спустя мы сидели в подсобке рядом с читальным залом. В маленькой печке, несмотря на отсутствие нормальных дров, довольно весело горел огонь. Топили, согласно последнему распоряжению городских властей, сушёными водорослями.

Разговор тёк вяло, то и дело прерываясь, но наконец кто-то сказал:

— Избушка

— Крылья, — донеслось из противоположного угла.

— Бред какой-то — я с удивлением обнаружила, что последняя реплика принадлежала мне. Забавный факт, учитывая, как старательно я ещё совсем недавно пыталась найти в городе хоть что-то волшебное. Даже отложила все свои исследования ради

— Значит, мы видели одно и то же? — прервал мои размышления Номер Первый, озвучив мысль, которая, кажется, уже всем нам приходила в голову. — Возможно ли — что всё это было на самом деле?

Мы ещё раз в подробностях обсудили свои воспоминания. В Учреждении никто ничего не ел. Не пил. Все как один благоразумно отказались от предложенного Доктором «кофе». Оставалась версия, что мы могли надышаться чем-то, что вызвало галлюцинации. Коллективные. В которых фигурировала чёртова избушка. В комнате повисла никем не высказанная мысль, что всё это звучит настолько неправдоподобно, что даже предположение о реальном существовании избушки выглядит более достоверным.

— Коллега, - со вздохом повернулся ко мне Номер Первый, и я поняла, о чём он хочет спросить, ещё до того, как тот закончил предложение. — В исследуемых вами материалах не упоминалось что-либо - он запнулся, — по интересующему нас вопросу?

Головы читателей как по команде повернулись ко мне. Какое неожиданное признание. Будь ситуация другой, я бы не

преминула напомнить коллеге, как ещё недавно он советовал мне «не растрачивать научный талант на эти сказки». И вот теперь

— Я принесу свои записи, - сказала я и отправилась к себе.

* * *

Дневники я обнаружила по чистой случайности. По правде говоря, они просто упали мне на голову с верхней полки, пока я пыталась достать интересующую меня книгу. Толстые тетради, аккуратно перетянутые шнурком, выглядели так непохоже на соседствующие с ними старинные фолианты, что я заинтересовалась. Открыв одну, я увидела исписанные мелким почерком страницы и подумала, что это, должно быть, забытые кем-то из прежних читателей конспекты, но стоило начать читать...

«Утро выдалось на удивление сухим и солнечным. Ещё вчера отовсюду и повсюду текла вода, а сегодня сияло солнце, выпаривая остатки влаги из города. Что ж, как нельзя кстати. Я вышел на балкон, проверить, как сушатся вчерашние водоросли. Сушились они хорошо».

Дело Синего Октопуса

*А я рыба, я рыба!
А я рыба, я рыба,
Привет, морячок!
Пойдём ко мне,
Пойдём ко мне!
Старинная русалочья песня*

Утро выдалось на удивление сухим и солнечным. Ещё вчера отовсюду и повсюду текла вода, а сегодня, выпаривая остатки влаги из города, засияло солнце. Что ж, как нельзя кстати. Я вышел на балкон проверить, как сушатся вчерашние водоросли. Сушились они хорошо, постепенно меняя цвет на буро-зелёный и благоухая странной смесью ароматов моря и горячей помойки. Давеча ушлый сосед намекнул, мол, эти водоросли, если их хорошенько просушить, — вообще огонь. Надеюсь, он не имел в виду, что они самовоспламеняются. «В любом случае, скоро узнаем», — сказал я сам себе. И тут зазвонил телефон.

Не было и нет в моей жизни более ненавистной и неубиваемой вещи чем этот дьявольский аппарат! Он регулярно падал на пол и разлетался вдребезги, у него обрывались провода, пропадали детали, а как-то раз даже горел распаечный шкаф на чердаке. Но телефон держался до последнего и ра-

ботал даже в совершенно разбитом состоянии. Если же он получал травмы, абсолютно несовместимые с его телефонной жизнью, у двери квартиры мгновенно возникал мастер со всеми необходимыми для реанимации аппарата инструментами. Что тут скажешь — конечно, по телефону же не выдают зарплату, по нему выдают исключительно задания...

Я взял трубку: сегодня звонило усталое трепло. По какой-то причине задания раздавали разные голоса. Чаще всех звонили: лающий командир, нервная тётка «быстрее-быстрее», вкрадчивый шёпот, уж не знаю, мужской или женский, и усталое трепло с замашками весельчака-экзаменатора.

— Привет, — сказал он таким усталым голосом, будто только что отпахал три смены на заводе в горячем цеху. — Что делаешь? Сушишь?

— Что сушу? — я оглянулся на балкон.

— Вёсла, конечно, — отозвался он. — Вчера ж было мокро, а сегодня сухо — надо сушить, ха-ха!

— Обязательно! Прямо сейчас и начну, — сказал я. — Прошу выделить мне средства для покупки лодки. С вёслами.

— Начнёт он... Сначала с делом разберись, а потом сушить будешь!

— С каким делом? — осторожно спросил я, уже понимая, что прекрасный солнечный день накрылся.

— Ты что, не слышал? Синий Октопус. Наш аналитический отдел, ха-ха (слышно было, как он прикрыл трубку ру-

кой и прокричал кому-то в сторону: «Слыхали? Аналитический! Вы теперь все — аналиты!»». «Аналитики!» — пролаял в ответ мужской голос. «Быстрее-быстрее! Мне тоже нужно позвонить по работе!» — заверещал женский), так вот, наш отдел считает, что за исчезновением студентов Университета стоит Синий Октопус. Ты ж учился там, так проверь! Дело возмёшь, где обычно. Давай, бывай! И зачётку захвати, ха-ха! — он повесил трубку, а я в очередной раз разбил её о стену, в надежде, что на этот раз мастер по ремонту где-нибудь задержится и подарит мне хотя бы один день без звонков. Могло же его, в конце концов, смыть на днях куда-нибудь...

Тем не менее, деваться было некуда. Я ещё раз проверил водоросли на балконе, оделся и потопал к автобусу. Терпеть не могу автобусы, если честно: зимой в них холодно, летом жарко, они постоянно опаздывают, когда ты приходишь вовремя, и уезжают вовремя, когда ты опаздываешь. А ещё в них ездят пассажиры. И ладно бы у автобусов был только какой-нибудь один недостаток, так нет! Они любят объединяться и комбинироваться в наихудших вариантах, например: опоздание, лето и пассажиры.

Раньше у нас было метро. Точнее, раньше у нас вот-вот должно было открыться метро: его провели, подключили, и по нему уже проехал первый поезд. Всё было шикарно, если бы не одно «но» — из-за ошибки в проекте тоннель проложили прямо под главным канализационным коллектором.

Совсем под ним. Впритык. Настолько впритык, что после первого поезда пошла трещина, а после второго (точнее, akurat в момент прохода поезда, на котором, к слову сказать, ехало всё градоначальство с коньяком и секретаршами) со-держимое коллектора перетекло в метрополитен. Никто не мог объяснить, почему вышло именно так. Говорят, в про-ектный институт «Метромаша» попал по ошибке генплан другого города... Как бы то ни было, после того случая наш дорогой мэр сотоварищи поправляет здоровье заграницей, с коньяком и секретаршами, а мы продолжаем ездить на авто-бусах.

Поглощённый мыслями о судьбах общественного транс-порта Города, я и не заметил, как доехал до нужного места. Вышел, получил папку с делом через порог и пошёл обрат-но. Меня в последнее время терзала мысль: а что если отпра-вить вместо себя кого-нибудь другого? Они же там явно не смотрят, кому отдают папки, надо только найти подходящую жертву и свалить на неё часть моих обязанностей... Я решил ознакомиться с делом дома и по результатам уже решить — что делать.

Сидя в автобусе, я от нечего делать полистал дело. На-до сказать, зацепок там было мало, всего два листа. Первый содержал список студентов каждого курса за несколько лет (и ежу понятно, что с каждым последующим курсом ряды студентов таяли, к чему сюда притягивать синего осьминога, пардон, октопуса, я так и не понял). Внизу листка имела ме-

сто быть некая громоздкая формула, из которой выводилась син.ок. («дельта Син.Ок.»): количество пропавших в результате действий этого самого головноного студентов. Правда к ней ещё шли поправки на «Стол. Отр.», «Перев.» и просто «Необъясн. Исч.». И в самом низу кто-то приписал карандашом: «см. паб!». Я пожал плечами и перешёл ко второму листку. Он был сделан из чего-то, напоминающего одновременно кальку и папиросную бумагу. На нём было два, с позволения сказать, изображения: на первом красовалась синяя каляка-маляка с одним глазом (подпись под рисунком: «вероятный вид Синего Октопуса, рисунок очевидца»; судя по всему, у очевидца *очень* тряслись руки), на втором — весёлый осьминог с пиратской повязкой на одном глазу, держащий в щупальцах пару бутылок, стакан, штопор, абордажную саблю и трёхногий табурет (подпись: «вероятный вид Синего Октопуса, реконструкция художника со слов очевидца»). Я ещё раз пожал плечами и вышел на своей остановке. Потом понял, что домой мне, в общем-то, уже не нужно, так как с делом я уже ознакомился, но решил, что раз уж я тут — пойду проверю, как там моя трава. Тьфу ты, водоросль, конечно же!

Водоросли оказались абсолютно сухи и отдавали лёгким ароматом чего-то морского. Я бы даже сказал — чего-то ямайского.

— Снимем пробу! — сказал я сам себе и пошарил взглядом по комнате в поисках подходящей бумаги (не без удо-

вольствия отметив, что телефон всё ещё мертвее мёртвого). Взгляд мой упал на папку с делом Син.Ока и я, недолго думая, скрутил несколько самокруток из листка с вероятными внешними видами. После чего вышел на улицу. Следовало опробовать результат вне дома, на случай если трава действительно — огонь. В прямом смысле этого слова.

Присев на лавочку рядом с подъездом, я разжёл самокрутку и затянулся. Моментального эффекта не последовало. «Ну, хотя бы солнце не зашло» — подумал я, затянулся ещё раз и тут внезапно вспомнил, что в деле была пометка про паб. Дело в том, что после моего выпуска недалеко от Университета как раз открылось какое-то новое заведение, и я в нём ещё ни разу не был. Вот и первое место для расследования — решил я. Даже если ничего не найду (это был бы идеальный вариант), то хотя бы неплохо проведу время.

Неожиданно я понял, что меня только что посетила удивительно умная для первой половины дня мысль. Интересно, уж не была ли она следствием недавней затяжки водорослями? Я затянулся ещё раз (исключительно с целью проверить своё предположение) и стал ждать другие умные мысли. Однако же, дожждаться их не удалось — из задумчивости меня вывело жёлтое такси и гудок его клаксона.

— Сколько можно ждать, чувак! — крикнул таксист, высунувшись из окошка. Я отметил про себя, что такси жёлтое, футболка на водиле жёлтая, солнце на небе жёлтое, а водитель — негр. Цветовой диссонанс вывел меня из созер-

цательного состояния, и я спросил:

— Кого ждать? Меня?

— Тебя, тебя! — водила энергично потряс дредами.

— Я вроде не вызывал такси.

— Не знаю, чувак, у меня всё точно: вот вызов, вот адрес.

Сказано, забрать от подъезда. Я приехал, я забираю. Заказ оплачен!

— Оплачен? — услышав это, я тут же сел в машину. Где-то в нашем доме какой-то знакомый или незнакомый мне человек, вероятно, очень скоро огорчится и будет с кем-то ругаться, по телефону или даже лично, выясняя, где машина и как вернуть деньги. Но мне было плевать. Я ехал на задание.

— Куда едем? — спросил таксист.

— В паб около универа, — сказал я.

— О! Хорошее место, — обрадовался водила. — Там поёт Шиза!

— Шиза? — переспросил я.

— Да. Тебе понравится, вот увидишь!

Переговариваясь подобным образом, мы доехали до паба. Выглядел он, скажем честно, не особо: это просто была дверь в подвал, над которой висела вывеска «ПАБ», а ниже, буквами помельче шла надпись: «Попробовав раз, пью и сейчас!»

— На чай дашь, братан? — спросил водила. Я порылся в поисках мелочи, ничего не нашёл и выдал ему самокрутку.

— О-о! Большой белый косяк от большого белого друга! — возрадовался водила, тут же разжёл его и втянул одной

затяжкой сразу половину. Посидел с минуту и выдохнул. Салон заполнился белым дымом.

— Как ты поедешь в таком дыму? — поинтересовался я.
— Ничего же не видно.

— Э-э, всё в порядке! Я вперёд не поеду, я назад поеду, я назад дорогу знаю!

Не задавая больше вопросов, я поспешил выбраться из такси. Машина тут же взревела мотором, с визгом сорвалась с места и поехала задним ходом, оставляя после себя шлейф густого белого дыма. Я проводил её взглядом и зашёл в паб.

От двери вниз вела узкая тёмная лестница в один пролёт. Ступени были заметно стёрты и при достаточном невезении можно было съехать вниз, как на горке в аквапарке. Что я и сделал, вылетев аккурат напротив барной стойки. Сделав вид, что всё время я именно так и вхожу в пабы, я встал, отряхнулся, подошёл к стойке и заказал виски, показав на всякий случай читательский билет: паб рядом с Универом — вдруг у них скидки студентам, преподавателям и вообще, грамотным людям? Бармен понимающе кивнул и сразу налил полстакана. «За счёт заведения!» — сказал он, — «Таким гостям мы всегда рады!». Я кивнул в ответ, уселся на табурет и стал оглядывать зал.

Он был весьма большим, надо сказать. По крайней мере, явно больше, чем дом над ним. Было темновато, но весьма уютно. За столиками сидел местный контингент, очень даже похожий на преподавателей и студентов, а у противопо-

ложной стороны стойки на табурете восседал осьминог и меланхолично наигрывал на аккордеоне Blow the Man Down. Я присмотрелся: он был определённо не синего цвета, от него ощутимо веяло тоской и унынием, и он, очевидно, не представлял никакой угрозы студентам или кому-нибудь ещё. Время от времени осьминог начинал подпевать, но при этом так сильно шепелявил, что большую часть слов разобрать было невозможно. Отчётливо у него получалось только слово sh*t, которое он вставлял везде, где только можно. Где нельзя он вставлял его тоже и явно очень гордился этим. Когда я допил стакан, а осьминог допил «Give me some sh*t to blow the man down!», в зале что-то поменялось. Сначала притушили и без того неяркое освещение, а потом луч света выхватил из полумрака небольшую сцену с роялем. За рояль села женщина в красном платье с глубоким таким декольте и подняла крышку.

— А фы шнаете, што общего у рояля и унитажа? И там и там, когда шадятша — поднимают крышку! — прошепелявил осьминог.

Она посмотрела на него, щурясь от света рампы, и томным голосом произнесла:

— Я смотрю, наш головногий стендапер, как всегда, на месте. Скажи нам, дорогой друг, почему все твои шутки отдают канализацией? Это сказывается тяга к родине? — потом обвела взглядом зал и продолжила, — Вижу, что сегодня у нас много студентов-медиков, которые пришли к нам,

несмотря на сессию. Сегодня я спою для вас, друзья.

Я взял второй стакан и сел за свободный столик около сцены, дабы не только слушать, но и смотреть, ибо, как нередко показывает практика, самое интересное в женском вокале — это сама вокалистка. Она была весьма хороша собой, черноволоса и слегка полновата — где-то на уровне джаза. Вы замечали, что певицы отчётливо дифференцируются по полноте, в зависимости от жанра музыки? Первыми идут, вне всяких сомнений, оперные певицы; за ними, с заметным отставанием, джазовые; джазовым в спину дышат и вот-вот догонят всякие хип-хоп исполнительницы; далее следует основная группа, а замыкает эту линейку старый добрый рок-сотоварищи — у тех нередко, как, впрочем, и положено динозаврам, одни только кости. «Там поёт Шиза» — вспомнил я... Ну что ж, слушаем.

Она пробежалась пальцами по клавишам, наигрывая «Neu Jude», и запела:

Эй друг, гляди бодрей!

Забей, что надо учить билеты.

Запомни всё, что тебе я пою,

И сдашь на пять ты все предметы...

Дальше всё шло в том же духе. Под самые разные мелодии, от джаза до фанка, я узнал множество медицинских, интересных и не очень, фактов. Например, что «Кто с детства каждому знаком — тот педиатр», «Сначала наркоз, а после разрез — смотри не перепутай!», «Проктолога никто не лю-

бит, а он так хочет поставить свечку...», «Амфетамино-мино-мино-вый приход тебя оставить может без созна-анья...» и т. д. и т. п. В какой-то момент я задремал и проснулся от стука захлопнувшейся крышки рояля. Шиза встала, сошла со сцены и прошла мимо моего столика, шелестя платьем. Какой-то миг я смотрел ей вслед, а потом заметил, что на столике лежит маленький клочок бумаги. На нём было написано от руки: «Не ходите за мной в гримёрку, он вас поймает!». И правда — шиза, — подумалось мне. Зачем писать «не ходите», если я даже и не собирался. Странно это. Впрочем, ловить кого-то или быть пойманным кем-то не входило в мои планы. Моей задачей на сегодня было хорошо провести время и никого не найти. И хочу сказать — по-моему, я её выполнил на отлично.

На этой мысли я решил, что пора бы посетить туалет, рассчитаться да и покинуть это заведение. Решил и, не откладывая в долгий ящик, отправился на поиски. Туалет в пабах — это весьма специфическое место: он бывает либо на самом видном месте, либо в самом удалённом и труднодоступном. На самом видном месте была всё ещё освещённая сцена с роялем, так что я отправился искать самое удалённое. Могу с уверенностью сказать, что я явно шёл в правильном направлении, но в какой-то момент сбился и зачем-то повернул на свет. Свет шёл из приоткрытой двери с табличкой «гримёрка». «Ну вот...» — только и успел подумать я, как из темноты ко мне метнулись щупальца. Я, сам удивив-

шись своей прыти, повернулся и бросился бежать к выходу. Выход в пабе тоже найти несложно, тут есть одна простая аксиома: если ты не идёшь к барной стойке или к туалету, то ты идёшь к выходу. Я так и сделал и, в мгновение ока оказавшись на лестнице, успел даже взбежать до самого верха и открыть входную дверь. В следующий миг щупальце поймало меня за ногу, дёрнуло к себе, и после второго за день короткого, но головокружительного полёта я оказался перед ним: Синим Октопусом.

— Ну привет! — сказал он, глядя на меня. Глаза у него было, как ни странно, два — один поменьше, другой побольше, и он ухитрился смотреть ими поочерёдно. Голосом он походил на осьминога с аккордеоном, но шепелявил не так сильно, и в голосе его была некая благородная глубина, как у очень толстого и слегка шепелявого профессора или даже академика:

— Уже уходишь?

— Привет, — ответил я. — Да, ты знаешь, завтра утром на работу, всё такое... Телефон вот придут чинить... Я пойду?

— Я не могу отпустить тебя, — вздохнул он. У тебя, должно быть, такая вкусная печень.

— При чём здесь печень? — удивился я.

— Я очень люблю фуа-гра, — потупился он. — И очень люблю пить и веселиться.

— Не понимаю, а при чём тут я? И все эти пропавшие студенты?

— Мне жалко гусиков, — сказал он, сплетая шупальца и шевеля ими, как мы обычно шевелим сплетёнными пальцами. — Они так страдают. Делать из них фуа-гра бесчеловечно. А ещё я люблю пить и веселиться, но доктор запретил мне пить, а если нельзя пить и вкусно есть, то не получается и веселиться.

— И поэтому ты ловишь пьяных людишек, делаешь из них паштет и веселишься? — страшная тайна пропажи студентов внезапно открылась мне. — Разве это не бесчеловечно?

— Да, бесчеловечно. Но математически это не настолько бесчеловечно — у людей печень больше, так что людей нужно меньше, чем гусиков. К тому же, студентов в этом городе больше, чем банок с фуа-гра, — внезапно из синего он стал багровым, — Здесь нет ни одной банки! В этот грёбанный город вообще не завозят фуа-гра!!! — прорычал Октопус и протянул ко мне шупальца.

— Стой! — крикнул я. — Я могу помочь тебе! Если ты не в курсе, то я специалист по решению проблем! У меня даже есть читательский билет.

— Оумн?... — он остановился. — Это правда? И как ты мне поможешь?

— Легко! — сказал я, доставая очередную самокрутку. — У меня есть средство, от которого будет весело и без водки, а самая простая булка будет казаться вкуснее фуа-гра.

— Этого не может быть! — ответил он с сомнением, но явно заинтересовался.

— Может, может, — сказал я, раскуривая и протягивая ему косяк. — Возможно, придётся немного подождать, но это должно сработать.

— Долго ждать? — спросил он, глубоко затаившись. Я пригляделся — его кожа стала переливаться всеми цветами радуги.

— Не знаю, — ответил я. — У тебя всегда были зрачки на глазах?

— Никогда не было, — ответил он и вдруг посерел, — О Боже! У меня зрачки! Зеркало мне, зеркало! — и умчался в гримёрку Шизы. Раздался женский визг и дикий грохот, затем не менее дикий смех. В дверном проёме показался Октопус. Он ржал:

— У меня есть зрачки, прикинь! И я съел платье Шизы — ничего так на вкус! Даже не могу представить, насколько хороши будут булки. Надо спланировать налёт на хлебозавод! — он махнул щупальцем. — А, ладно, на ходу спланирую, — и пополз по коридору, непрерывно хихикая. Хлебозавод нужно было спасать... Или нет.

— А знаешь, в чём разница между осьминогом и октопусом? — крикнул я ему вслед.

— В том же, в чём между гомосексом и геєм, — ответил он и заржал ещё громче, довольный своей шуткой, — Я не ползаю по лабиринту в лаборатории и не работаю на заводе. Значит, я октопус, а не осьминог какой-нибудь! — Он заржал совсем уже оглушительно и вылетел из двери на улицу,

снеся попутно эту самую дверь.

Я только пожал плечами. Возможно, завтра у кого-то появится дело о налёте на хлебозавод.

Морковная фея или Лох-Мерзкое Чудовище

Настоящий Хемингуэй никогда не говорил: "Пиши пьяным, редактируй трезвым". Настоящий Хемингуэй садился с утра за работу, работал до вечера, и только потом шёл в бар. Поэтому Хемингуэй никогда не писал пьяным. Будучи профессионалом, он писал с похмелья.

Из лекции по истории литературы

Сон был прерван самым наглым и беспардонным образом: длинными, настойчивыми, беспощадными телефонными звонками. Я попыталась игнорировать звонки и всю эту жестокую реальность в целом, надеясь, что звонящему надоест звонить раньше, чем мне надоест это слушать, но проиграла остаткам собственной совести. Совесть, пользуясь циничными фразочками, вроде «если кто-то звонит в такую рань, значит ему очень нужно» или «а вдруг это вообще мама», заставила мою руку доползти до телефонной трубки, взять её и поднести её к уху, а затем, теми же методами, при-

нудила губы раскрыться и сказать: «Слушаю!».

— Спишь? — вкрадчивым бархатным шёпотом осведомилась трубка.

— А что обычно делают люди в шесть утра? — поинтересовалась я в ответ.

— А разве сейчас шесть?

— Неужели пять? — я всё же сумела разлепить глаза и посмотрела на висящие на стене прабабушкины часы. Часы показывали начало двенадцатого.

— А я ведь с хорошей новостью звоню, — голос в трубке, казалось, оскорбился.

— И с какой же? — насторожилась я. От этого андрогинного шёпота всегда стоило ожидать подвоха. Особенно когда он звонил с хорошей новостью. Или она звонила — понять, кто это, по телефону было невозможно. Лично мне всегда мерещилась бесполоая голова на огромном паучьем тулове.

— Ты давно была в отпуске?

— Я? — где-то на задворках памяти промелькнули полустёртые воспоминания о жаре, пирамидах и кишаших вокруг них людях в таком количестве, что из них можно было бы сложить ещё одну пирамиду, да повыше остальных. — Сто лет не была. А то и двести. А что? — ощущение подвоха стало материальным: казалось, мне в спину целится арбалет, заряженный очень-плохой-новостью.

— Не хочешь съездить на несколько дней в «Бобры»? Полностью за счёт города, номер люкс, всё включено, и тэ

дэ и тэ пэ.

«Бобры» были местным загородным курортом, популярным не только в Городе, но и, как говорили, далеко за его пределами, включая обе столицы. Курорт состоял из собственно санатория «Бобры», расположенного на берегу Бобрового озера, рядом с впадающим в него Бобровым ручьём, а в лесу неподалёку бил целебный Бобровый ключ. Кроме того, в окрестностях имелись деревня Бобровая, речка Бобровка и, собственно, сам директор санатория по фамилии Бобров. В общем, как спела на мотив итальянского хита Sharazan на юбилее санатория Шиза:

Бобры, бобры! Здесь вокруг одни бобры!

И куда не посмотри, всё они: бобры, бобры, бобры...

(и далее ещё с полсотни строчек подобного содержания).

— Не отказалась бы, — осторожно начала я, — но хотелось бы знать, в чём подвох?

— Никакого подвоха! — заверил меня шёпот, ставший ещё бархатистее. Я поняла, что сейчас он разрядит арбалет. — Нужно просто написать статью-опровержение в городскую газету.

Арбалет выстрелил. Стрела прошла между лопаток, вылетела из груди и полетела дальше, прихватив с собой остатки хорошего настроения.

— Какую статью? — упавшим голосом спросила я.

— Ты что, газет не читаешь? — голос удивился так, что трубка завибрировала в руке.

Я пошарила взглядом по комнате: одна из девочек, проходящих ко мне заниматься музыкой, регулярно приносила в качестве бонуса к оплате домашнюю выпечку, которую её мама всегда заворачивала в свежую газету. Настолько свежую, что порой было сложно понять, чего в этой выпечке больше — сахарной пудры или свинцовой краски.

— Ага! — сказала я, увидев вчерашний свёрток, развернула его и спросила в трубку: — Ну и что нужно опровергать?

— А сама не видишь? Там на первой странице, не ошибёшься, сразу в глаза бросается.

Я внимательно изучила газету. В глаза бросилось много всего. Был заголовок «"Вместе мы поднимем хлебобулочную индустрию Города до небывалых высот!" — Интервью с кандидатом в мэры Города Синим Октопусом», была статья «Мэр Города организовал сбор средств на обратные билеты для себя и своей администрации», которая начиналась словами: «Я не позволю себе прохлаждаться в Париже, пока какой-то головоногий захватывает мой родной город!». Была заметка-молния «На свалке водорослей за городом произошло сильное возгорание. Облако дыма движется в сторону западной Европы. Община хиппи, проживающая там последние несколько часов, не подпускает к свалке пожарных и скандирует лозунг: "Счастье для всех! Даром! И пусть никто не уйдёт ненакурленным"». Была новость «Вблизи Бобров очевидцами было замечено Лох-Мерзкое чудовище!». Я

пробежала глазами начало статьи: «Как минимум трижды за последние несколько дней отдыхающими и местными жителями замечено Лох-Мерзкое чудовище. Все они заявляют, что не видели более отвратительного зрелища, а один из свидетелей сказал, что навсегда бросил пить».

— Ты про чудовище? — спросила я и с робкой надеждой продолжила: — Да что в нём такого...

— Нам сейчас только его не хватало! И так проблем по горло: по городу бегает укуренный осьминог с политическими амбициями, у МинБезВелДа окончательно сорвало крышу, хиппи эти со своим пожаром, а тут ещё того и гляди мэр вернётся и в административном угаре начнёт откачивать метрополитен... Правда, с мэром у нас, вроде, отсрочка: говорят, при попытке сбора средств в Соборе Парижской Богоматери тот самовозгорелся.

— Собор или мэр? — не поняла я.

— Оба, — с непонятной интонацией ответил голос. — Но проблем всё равно навалом. Нам не нужны ещё и слухи о чудовище, способном испортить любой праздник.

— Говорят, оно является только пьяным! — вспомнила я один из основных фактов про ЛМЧ, и сразу за этим память услужливо напомнила мне тот чудесный момент, когда я пыталась выйти из такси, не отстегнув ремень безопасности, после особо удачного собрания Читателей. — Но почему именно я? У нас же есть более подходящие кандидатуры! Вот, например...

— Нет! — прошипела трубка, и я отчётливо услышала на том конце треск, какой обычно издают гремучие змеи. Возможно, я ошибалась, и мой собеседник был кем-то вроде Нага или Нагайны.

— Нет, только не он! — повторила трубка чуть успокоившись. — Он уже отличился с Октопусом, не знаем, как расхлебать теперь. Поедешь ты. Проведёшь там несколько дней, никого не увидишь и напишешь опровержение. И запомни, не больше бокала вина в день!

— Хорошо, — сдалась я. — Но я хочу такси. И отвод от медосмотра в МинБезВелДе.

— Да пожалуйста, — голос в трубке снова стал бархатным и довольным. — А напомним, почему ты не попала на тот осмотр?

— Я... Я спасала котов. У нас тут коты в доме, а у меня первый этаж и низина... и когда вода дошла почти до подоконника... — зачастила я, искренне радуясь, что никто не видит, как я сейчас краснею от вранья.

На самом деле, никаких котов я не спасала. Когда вода дошла до подоконника, коты приплыли на большой резиновой лодке с мотором. Не знаю, где они её взяли, но в лодке были следы крови, обрывки брезентового плаща и остатки рыболовного снаряжения. Надеюсь, её владелец был просто исцарапан и изгнан из лодки... Впрочем, если честно, судьба его мало интересовала меня в тот момент, ибо мы взяли имевшиеся у меня зонтики, пару очень важных в дан-

ной ситуации инструментов и скрипку в чехле, на случай, если вода продолжит прибывать (старому фортепиано в таком случае предлагалось спасаться естественным путём, методом выплывания в открытое окно), и поплыли мародёрствовать. Знали бы вы, как это было прекрасно! По крайней мере, до того момента, как в моторе кончился бензин и, по понятным причинам, грести пришлось мне. Зато, когда вода спала, мне открыли доступ в святая святых нашего дома — Подвал. До меня там бывали только коты и наш дворник — тоже крайне загадочная личность. Подвал оказался, несмотря на все недавние перипетии, сухим, тёплым и полным самых неожиданных вещей.

Там было, помимо прочего, чучело меч-рыбы с автографом Хемингуэя, несколько полных скелетов разных ископаемых зверюг, в том числе, как я поняла из таблички, скелет гигантской пещерной мыши, были картины импрессионистов, изображающие котов, и картины более позднего периода, изображающие что-то похожее на котов, и картины ещё более позднего периода, изображающие нечто, что можно при желании трактовать как изображение котов... и многое-многое другое. В дальнем углу стоял саркофаг кого-то из фараонов середины Нового Царства. Мумии в нём не было, но котов это не расстраивало. Судя по всему, они восхищались монументальной мраморной *коробкой*с росписью.

За время наводнения мы пополнили запасы элитного кошачьего корма и винтажных вин, доступ к которым (к винам,

конечно же, а не к корму) был мне дарован за выдающиеся заслуги перед котовым сообществом. Короче говоря, звонков в эти дни я не слышала...

Телефон выслушал моё свежепридуманное враньё про спасение котов, сказал: «Котики — это хорошо! Такси уже едет, жди!» — и отключился.

Я оставила на двери записку о том, что несколько дней меня не будет — для тех учениц, которые могли прийти без предварительного звонка (а были и такие в моей практике), и вышла во двор. Во дворе было мрачненько, но сухо, время от времени из-за туч выглядывало солнце, но тут же пряталось — погода ещё не определилась со своим настроением на сегодня. От этого возникало ощущение, что наш дом — очень старьё, со всеми своими эркерами и лепниной на карнизе напоминающий крепость, — подмигивает мне. В палисаднике, метрах в десяти от дома, стояло моё старое фортепиано, а у самого моего окна отливал лаком, перехваченный такелажными ремнями, шикарный «бехштейн», выданный мне из запасников Подвала взамен уплывшего. Возле него о чём-то совещались коты и дворник — Петрович. Дворник всё время кивал головой, хотя, возможно, он просто спал стоя. Я собралась было подойти к ним, но тут подъехало такси.

— Такси в «Бобры»? — высунулся почему-то из правого переднего окошка водитель-негр.

— В «Бобры», в «Бобры», — ответила я, спохватилась,

кивнула и добавила по инерции: — В «Бобры».

— О! Да мы поладим, сестрёнка! — он расплылся в улыбку, исчез в совершенно непрозрачных, словно заполненных туманом, недрах машины, тут же выскочил из двери с другой стороны и открыл багажник. — Закидывай сумку, сестрёнка!

Я бросила сумку в багажник и села в машину. В салоне витал лёгкий и странно знакомый запах, от которого вдруг вспомнились студенческие годы и захотелось хихикать и говорить всякие глупости.

Машина понеслась по улицам с явно небезопасной скоростью. Первое время я в основном искала ногами педаль тормоза, глупо хихикая, когда её не находила, но как только мы выехали на загородное шоссе, езда стала спокойнее. Немного расслабившись, я спросила:

— А чем это пахнет у тебя в машине, дружище?

— Хороший вопрос, сестрёнка! — ответил он, и улыбка его стала ещё шире. — Очень хороший вопрос! Я думаю, это пахнет квантовой запутанностью.

— Чем?! — у меня снова появилось желание захихикать, но я его поборола и сказала со всей доступной серьёзностью:

— Я вообще-то гуманитарий, но даже я знаю, что кванты не пахнут!

— Что гуманитарий, это видно. Только гуманитарии могут так элегантно (он так и сказал — элегантно!) одеваться, как ты, сестрёнка. Ты прям как с витрины.

— О, спасибо! Просто удачно зашла в один магазин не так давно, — ответила я и на автомате поправила волосы. Он даже не представлял, насколько близок к истине. Платье действительно было с витрины, были лишь некоторые нюансы в том, как оно стало моим: я считала, что спасла его от потопа, коты же называли это мародёрством. Стоит, однако, отметить, что они не считали мародёрство чем-то плохим. — Но ты мне зубы-то не заговаривай! Кванты не пахнут.

— Да как же не пахнут, когда сами учёные говорят, что у них есть ароматы! Ты мне тут не рассказывай, я квантовую физику знаю на пять.

— Это, наверное, аллегория, или как оно в физике называется? И речь не про кванты, а про кварки — они, вроде, не одно и то же? — неуверенно возразила я.

— Аллегория-шмаллегория! — ответил он. — Я был лучшим студентом по обмену вашего универа и знаю всё про квантовые ароматы и квантовую запутанность! Больше, чем все ваши преподаватели, сестрёнка, больше, чем все они! — он гордо тряхнул дредами. — Но я понял, что эту запутанность не нужно распутывать: великий Джа хочет, чтобы всё было вот так, а не иначе. И чем больше пытаешься её распутать, тем больше она запутывается. И я понял это, сестра! Я понял это, ушёл из универа и стал водить жёлтое такси.

Я уже не могла бороться с желанием смеяться и хохотала в голос:

— А машина-то! Почему машина так пахнет, всё равно

не понимаю?

— Машину эту сильно накурили недавно, понимаешь, сестра? И её квантовое состояние запуталось окончательно, и теперь она будет так пахнуть, пока не распутается сама.

Я отсмеялась, и тут на меня напало второе желание — сказать какую-нибудь глупость.

— А ты знал, что Шиза на самом деле — Ш.-И.З.А.? — спросила я, глядя, как в тумане сначала повисли, а потом начали плавать по салону заглавные буквы Ш И З А, вместе с чёрточкой. — Это инициалы.

— Не знал, — ответил он и включил вентилятор. Буквы сдуло. — А почему так?

— Потому что она на самом деле Шатценблатт-Исилдурская Зираида Авгуровна. Отпрыск двух самых старинных дворянских родов в нашем городе. А могла быть Шатценблатт-Кольцова-Исилдурская, по фамилии матери, которая из рода графов Кольцовых-Исилдурских, но такую длинную фамилию не смогли вписать в свидетельство о рождении. А по отцу она из рода Шатценблаттов, которые сначала были Шайзенблаттами, но при Екатерине Второй им удалось сменить фамилию на Шиссенблатт, при Александре Третьем её поменяли на Шатценблатт, а при Николае Втором они уже почти получили приставку «фон» и баронство, но тут грянула революция, и они так и остались Шатценблаттами. А Зираида она, потому что у старой паспортистки рука при записи дрогнула, и... Уф!.. — не знаю, как это произошло, но

стёкла на миг затуманились, а когда они прояснились, я увидела, что за окнами солнечный луг, и машина весело катит по просёлку к воротам «Бобров».

— Как это? — только и спросила я.

— Квантовая запутанность, сестрёнка! Всё дело в ней! — ответил водитель. — Но история классная. И откуда только ты всё это знаешь?

Я открыла было рот, чтобы сказать, что где-то в сложном переплетении родственных связей я отношусь к потомкам одной из перечисленных фамилий, но побоялась очередной лекции о квантовой запутанности или, не дай Бог, квантовой переплетённости, и передумала, вместо этого пообещав до-рассказать историю на обратном пути. Он понимающе кивнул, высадил меня, выдал мне сумку и уехал.

Я неторопливо подошла к воротам. Ворота были чугунные, с уходящей в обе стороны оградой, а по бокам стояли бронзовые бобы с разведёнными передними лапами. Скульптор, видимо, хотел изобразить дружеские объятия, приготовленные для посетителей, но получилось похоже на двух Годзилл, собирающихся топтать Токио. Так и казалось, что их раскрытые в подобии улыбки пасти сейчас извергнут лучи смерти. Сами ворота были на цепи, но приоткрыты достаточно для того, чтобы в них мог проскользнуть не слишком упитанный человек. К этому прекрасному проявлению гостеприимства не хватало только таблички: «Жирным здесь не место!».

За воротами начиналась полоса хорошего асфальта, которая упиралась в основное здание с пафосным ресепшн в мраморе и с часами, показывающими время в Москве, Лондоне, Нью-Йорке и Токио. Видимо, совсем без Годзиллы всё же не обошлось. Я вспомнила, что нахожусь здесь по поводу некоей мерзкой рептилии, портящей всем жизнь, и настроение моё снова упало. Прямо на мозаичный пол с бобрами. Девочка на ресепшн что-то щебетала, глядя в моё направление с ваучером, а я, слушая её вполуха, оглядывалась. Вокруг было слишком пусто, слишком тихо, если не считать её болтовни, и слишком чисто, светло и бело. Отсюда хотелось бежать.

— А вы слышали что-нибудь о Лох-Мерзком Чудовище? — не выдержав, прервала я излишние сотрудницы. Она на миг запнулась, но тут же продолжила стрекотать пулемётом. Я стала слушать чуть внимательнее, вылавливая крупницы полезной информации. Оказалось, что о чудовище она ничего не слышала, но один раз видела издалека. Совсем издалека. Оно ей вообще не показалось мерзким, скорее даже милым и местами розовым. Почему она уверена, что это именно оно? О, потому что это было именно оно, больше это ничем быть не могло, а значит, это точно было оно. Мне не стоит забивать этим голову (как будто я её забивала), оно на самом деле никому жизнь не портит, а если кому и испортило, то те сами виноваты. И вообще, им сейчас не до него, у них какие-то проблемы с Бобровым ключом. Тут я было насто-

рожилась, но девица соскочила с этой темы на следующую, и я внезапно узнала, что меня ждёт люкс для новобрачных.

— Простите, что?

— Для новобрачных, — повторила она. — У нас вообще мало люксов, а сейчас самый сезон, и все люксы заняты. Ваш начальник так шипел и плевался в трубку, что... — она поправила крашенные волосы и развела руками. — Вот...

Меня снова начал разбирать смех:

— Но это же пансионат! Не отель на Ривьере. Откуда у вас вообще номер для новобрачных?

— Мы идём в ногу со временем, — ответила она с достоинством. — Да и видели бы вы, какие сейчас новобрачные. Некоторым нужен номер сразу в диспансере, не то что в пансионате.

— И много в нём было, кхм, новобрачных?

— Вы первая. Мы его открыли только в этом сезоне.

— Но я не в счёт, я не новобрачная. Я имею в виду — настоящих новобрачных. Их, вообще-то, должно быть двое... Как минимум.

— Пока не было. Но и у вас ещё не всё потеряно, вы же только въехали! Вот подождите денёк-другой, тут полно одиноких старичков, при деньгах и на виагре... — Наверное, в этот момент у меня что-то случилось с лицом, потому что она пискнула и умолкла. Возможно, на миг я стала страшнее бронзовых бобров у ворот. Я представила себе, как втыкаю смычок ей в ухо на максимальную глубину и проворачиваю.

Несколько раз. Мне немного полегчало, и я подумала — а какого чёрта? Почему бы и нет? Ну, за исключением одиноких стариканов, конечно.

— Кровать хоть мягкая? — спросила я. Она кивнула.

— Проверяла, небось. С каким-нибудь официантиком? — она снова пискнула, покивав и помотав головой одновременно.

— Хорошо, — я почувствовала, как губы складываются в улыбку против моей воли. — А ведь, поди, и шампанское для новобрачных должно быть? — она опять кивнула и пискнула чуть громче, потом набралась смелости и сказала:

— Там есть бар: вино, шампанское и коньяк. И ещё икра...

— Прекрасно, — у меня от улыбки стало сводить скулы, но согнать её с лица не получалось — проклятые губы уже предвкушали шампанское с икрой. К тому же, после поездки на такси я необычно сильно проголодалась. — Буду отрываться за двоих, и пусть всё горит огнём! Так?

— Т-так, — ответила она, слегка оживая. — Давайте я вас провожу.

— А где все? — спросила я. — Разве персонала не должно быть больше?

— У нас затруднения с источником, — быстро и невнятно пробормотала она. — Пойдёмте, я вам там всё покажу.

Мы прошествовали по пустым коридорам, поднялись на второй этаж и через широченную дверь, сквозь которую определённо можно было внести невесту любого размера,

вошли в номер. Он был огромен и пафосен, и всё в нём было огромно и пафосно, включая балкон, выходящий на основной пляж, так же поразительно пустынный. Я тут же плюхнулась на огромную и пафосную кровать, рядом с которой стояло на столике большое ведро с полуторалитровой бутылкой шампанского во льду и два бокала. Кровать немедленно начала поглощать меня, аки болотная трясина, и мне пришлось сделать несколько энергичных гребков, чтобы не утонуть в перине.

— А икра? — спросила я. Девушка открыла холодильник с кучей закусок.

— А вино и коньяк? — она показала бар в стене.

— А куда звонить, если всё это кончится?

— Что? — глаза её почти выскочили из орбит, она пискнула восхищённо-недоверчиво что-то неразборчивое, но тут же спохватилась и вручила мне список телефонных номеров, на котором я ногтем отчеркнула два самых важных: один на случай, если понадобится наполнить бар, и второй на случай, если понадобится промывание желудка. Девочка протараторила остальную очень-очень-важную-информацию-для-гостей, поздравила меня от имени администрации с медовым месяцем, вручила поздравительную открытку, карту территории и ключ от номера, а потом наконец исчезла. Я сняла оплётку с горлышка бутылки и раскачала пробку. Та с громким хлопком вырвалась из рук и вылетела через открытую балконную дверь. Возможно, в эту минуту на пляже ста-

ло на одного потенциального новобрачного меньше, но мне было плевать. Я наполнила оба бокала, подняла один тост за прекрасную жизнь, второй — за себя любимую, основательно отпила из каждого и завалилась обратно на кровать.

Ближе к вечеру мне захотелось приключений. Поскольку никакое чудище, ни мерзкое, ни розовое мне не явилось, я, будучи уже не особо в трезвом уме, но всё ещё в относительно твёрдой памяти, вспомнила про местные напруги с целебным источником и решилась на вылазку. У меня в состоянии опьянения первым всегда страдало чувство ориентирования на местности, поэтому первостепенной задачей стало просто найти этот Бобровый ключ. Воспоминания из далёкого детства выдали картинку с людьми, держащими в руках самую разнообразную тару, и наполняющими оную водой, бьющей из страшненького вида трубы, торчащей из пологого поросшего лесом склона.

Воспоминания никак не помогли, поэтому я взяла карту территории и, стараясь идти максимально прямо и уверенно, отправилась на поиски источника. Интересы ради, я решила пройти через веранду ресторана, выходящую на пляж, дабы вблизи рассмотреть местный контингент, и это стало моей первой ошибкой — я была немедленно атакована группой весьма бойких и загорелых старичков, очень скушающих по женской компании моложе шестидесяти. Один из них даже помнил мою прабабку, графиню Кольцову-Исилдурскую, и

уверял, что я — как она, только ещё лучше, если не считать этой ужасной современной одежды. При этом он подпрыгивал, делал ногами антраша и порывался схватить меня под руку и увести куда-то. Не знаю, что на них так действовало, местные целебные воды или ещё что, но избавиться от преследования мне удалось только сказав, что на ресепшн сейчас сидит и скучает одна-одинёшенька премиленькая блондиночка, да к тому же ещё и натуральная. Да-да, именно так — одна-одинёшенька и премиленькая. Более современного языка они не понимали в принципе. Мне показалось даже, что ресторанное меню у них было написано *традиційною орфографією*.

Преодолев таким образом первое препятствие на пути к вожделенному источнику и весьма воодушевившись этой победой, я пошла дальше. Благо, со времён моего детства тут многое изменилось в лучшую сторону: теперь к Бобровому ключу вела вымощенная дорожка, обставленная с равными интервалами деревянными фигурами бобров, выглядящих чуть более дружелюбно, чем те бронзовые при воротах. Местами здесь даже стояли фонари. Некоторые из них — вы не поверите! — светили, что было очень кстати в сгущающихся сумерках. Тут-то мне и встретилось следующее препятствие: поперёк тропы лежало бездыханное тело в шортах и шлёпанцах. Куда более молодое тело, чем старички-трезвенники на веранде. Правда, при ближайшем рассмотрении оно оказалось не бездыханным, а просто мертвецки пьяным, но,

боюсь, прежде чем я установила этот факт, у меня появилось несколько седых волос. Попытки разбудить, растолкать или ещё каким-либо образом реанимировать тело не принесли успеха, разве что наполнили воздух запахом крепчайшего перегара, от которого защипало в носу и глазах. В итоге я решила просто переступить сей неопознанный лежащий объект и продолжила путь: второе препятствие также было преодолено, пусть и не так изящно, как первое. Я продолжала движение, и чем дальше шла, тем больше вусмерть пьяных тел встречала. Некоторые ещё шевелились и издавали звуки, отдельные экземпляры пытались ползать. В общем, всё напоминало прелюдию к классическому зомби-апокалипсису, если бы не стойкий запах перегара.

Вскоре я услышала шум воды и почти сразу вышла к источнику. Труба была на месте, всё такая же страшненькая, и из неё всё так же била пенящаяся струя. Только теперь по обе стороны от трубы стояли всё те же деревянные бобы с растопыренными лапами, а вода пенилась явно сильнее обычного. Надо всем этим парило существо, напоминающее небольшого плезиозавра в розово-фиолетовых пятнах. С ярко-оранжевыми даже в полумраке стрекозиными крыльями.

— Guten Abend, junge Frau, — проговорило оно печально, посмотрев на меня.

— Fräulein! — поправила я, — Но как же мило и старомодно! — И тут ноги мои подкосились, и я села на траву:

— Что?! Кто?.. Боже! Вы же...

— Und Sie auch... — сказало оно ещё более печальным голосом.

— Что я аух? — спросила я, заикаясь и путая немецкие и русские слова. — Я... Их канн шпрех... кайн шпрех... шпрехен дойч шлехт, руссиш гут... эээ... — Я сжала мой затуманенный шампанским разум в кулак и выдала на таком же старомодном немецком всё, что смогла:

— Ich bin betrunken, Gnädiger Herr. Wirklich betrunken, muss Ich sagen. Und erschrocken... oder erschrecken?

— Ви тоже не знать немецкий язык, — всё так же грустно сказало существо. — Не знать немецкий, быть пьяний и меня бояться. Меня не надо бояться, я могу помогать.

— Как помогать?

Вместо ответа оно взмахнуло ластами, воздух вокруг него засверкал, и моя голова стала вдруг предельно трезвой и ясной. До отвращения трезвой. Захотелось крикнуть: «А ну верни назад!».

— Вам стать полегче, юная фрау?

— Смотря с какой стороны посмотреть, — ответила я. — Всё же не каждый день перепадает бутылка «Барона Ротшильда», чтобы вот так взять и всё обломать.

— Я ничего не ломать! — возразило существо. — Я вам помогать. Ви не бежать и не проклинать меня, значить я помогать хорошо!

Я подумала, что в номере меня ждёт ещё полный бар и почти полный холодильник, и ощущение отвратительной трез-

вости сменилось просто трезвостью.

— А скажите, любезнейший, вы и есть то самое Лох-Мерзкое Чудовище?

— Ну вот, — его голос стал запредельно унылым, как у ослика Иа в мультике про Винни-Пуха. — И ви считать меня чудовище, юная фрау! За что мне это, во имя семи миров!? За что, я вас спрашивать? Я просто добрый фей, делать маленькие чудеса из свой пыльца, делать на благо людей. А люди это не ценить, звать меня чудовище, проклинать и убежать! Даже самый злой немец не звать меня чудовище, они звать меня Meine KarottenFee. Милий люди...

— Погоди, какие люди, какие немцы? И почему здесь так отчётливо пахнет спиртным? Я пьянею от одного запаха... — при этих словах существо собралось снова махнуть плавниками, но я опередила его, вскинув руки вперёд ладонями:

— Не-не-не, погоди! Пока и так сойдёт... И вообще, ты мог бы делать свои чудеса вполсилы? А то после такого чудесного отрезвления первое время хочется сдохнуть. Неудивительно, что люди тебя боятся и ненавидят.

— Работать наполовину? Немец так не учить, они учить — весь работа выполнять прилежно. Но я могу, если ви так хотеть, юная фрау.

— Хочу! — поспешно сказала я и сразу перешла к следующему вопросу. — Что за немцы?

— В тридцать восьмой год по ваш календарь третий райх отправить экспедиция в Тибет — искать вход в Шамбала

и настоящий ариец. Вход они не найти, но подойти близко. Ариец делать себя незаметным и прятать себя, экспедиция находить нас. Ми делать всякий разный маленький чудо и несколько нас немец взять в Дойчланд, проводить AntialkoholPolitik. Ми делать так, что бургер не хотеть пить шнапс, а хотеть пить молоко, есть морковка и делать дети для райха. Но райх кончатся, и ми разбежаться кто куда. Я бежать сюда.

— Ясно. Неудивительно, что они тебя прозвали морковной феей. Правда, я думала, что феи больше похожи на людей, на женщин в основном, такие маленькие, в коротких юбках и с крыльями.

— Нет, это всё глупый человеческий стереотипен. И глупый гендерный стереотипен: летать в юбка неудобно. Вам надо попробовать сама, юная фрау, тогда ви понимать...

— Даже и не собираюсь пробовать летать. Ни в юбка ни без юбка, — ответила я. — Я предпочитаю летать в самолёте. Но всё же в юбке. Или хотя бы в брюках... — похоже, меня снова стало развозить, я показала жестом на голову, и фея (или фей? — голос у него был, скорее, мужской) аккуратно взмахнул ластами, воздух вокруг него опять засверкал («пыльца фей» — вдруг вспомнилось мне), и меня отпустило. В этот раз не так жёстко, как в предыдущий.

— Спасибо! — сказала я. — А почему тут столько пьяных, и ты их не отрезвляешь?

— Я делать так много раз. Они трезветь, проклинать и

ненавидеть меня и напиваться снова. Ещё сильнее. Я сдаваться.

— Да как же они тут посреди леса напиваются? — удивилась я, и тут меня осенило. Я подошла к самому источнику, взяла висящую на цепочке кружку, зачерпнула и хорошенько отхлебнула из неё. Мощный алкогольный удар в голову на пару секунд вернул меня в предыдущее беззаботно-радостное состояние. Фей опять проделал свой фокус, и голова снова прояснилась. К немалому моему сожалению, замечу.

— Ну нельзя же так! — возмутилась я. — В конце концов, тут тебе не Германия! Прежде чем отрезвлять кого-то у нас, нужно спрашивать разрешения. Запомнил?

Он кивнул, колыхнувшись всем телом вверх-вниз. Висел он в воздухе, кстати, совершенно не полагаясь на крылья. Возможно, они нужны были для движения вперёд-назад или просто для красоты, но парил он точно без их помощи.

— Я только попробовать, — предупредила я и отхлебнула ещё, на этот раз поменьше, слегка подержав жидкость во рту.

— По-моему, это джин с тоником. Один к одному примерно. Крепковато, на мой взгляд, — сказала я. — Это тоже твоё маленькое чудо?

— Нет, это слишком большой чудо для меня. Я не знаю, от чего это происходит, возможно это *Quantenverschränkung*... не знаю, как это по-русски. Где-то делать чудеса, где-то заставлять немец пить молоко, а где-то бить фонтан шнапс. *Quantenverschränkung*, несомненно.

«Квантовая запутанность, сестрёнка!» — вспомнила я водителя такси и по совместительству лучшего студента по обмену. Видать, никуда не деться от этой запутанности. Труба задрожала и выплюнула каскад свеженарезанных долек лайма. Я проводила их взглядом.

— Слушай, с этим надо что-то делать, а то ведь так, глядишь, и до озера дойдёт. Ты можешь, э-э, расколдовать источник? Сделать так, чтобы из него снова шла вода?

— Не знать. Это *quantenverschränkung* очень запутать себя. Не знать, чем кончатся вмешательства. Надо ждать, пока оно распутать себя само.

И тут я не нашла ничего лучше, чем произнести фразу, которую терпеть не могу с самого детства, в надежде, что хотя бы в этот раз она поможет:

— Будь я тобой, я бы попробовала!

— Хорошо, — на удивление быстро сдался он и начал делать сложные пассы всеми конечностями, хвостом и даже шеей. Воздух наполнился яркими вспышками, и на миг стало так светло, что глаза отказали мне. Секунду спустя сияние с громким хлопком погасло, и зрение вернулось. Жидкость, текущая из трубы, теперь была оранжевого цвета. Я набрала её в кружку и понюхала. Пахло отпуском. Попробовала — это был «Спритц». Протянув руку, я похлопала фея по боку:

— Ты хотя бы попытался. В конце концов, могло быть и хуже. А это очень даже неплохо, — я отпила ещё. «Спритц» из кружки — такого у меня до сей поры не было. Но и

«Спритц» из источника такого не было ещё ни у кого. Трепещите, итальянцы!

— Я не сумею! — он расстроился окончательно.

— Очень даже сумею! По крайней мере, это пить можно, — ответила я и поймала в кружку вылетевшую из трубы апельсиновую дольку. — Смотри! Я знаю, что делать дальше: мы оставим всех этих людей тут. Если ты их не будешь отрезвлять, то на утро их всех ждёт сильнейшее похмелье. Какое-то время они точно не будут пить... По крайней мере, некоторые из них, — добавила я с сомнением. — Очухаются, доползут до пансионата, протянут сюда трубу или цистерну подгонят... Да и вообще, может, завтра он сам станет нормальным, в конце концов, не моё это дело, я здесь не для этого. Я здесь для того, чтобы отдыхать. А ещё написать статью о том, что тебя не существует. Но статья подождёт. Ты мне лучше вот что скажи, — я вдруг почувствовала, что губы снова сложились в предательскую неподконтрольную мне улыбку. — Ты что-то говорил про молоко, морковку и желание делать детей?

— Да, я говорить так, — ответил он.

— А можешь сделать наоборот? Так, чтобы человек на время не хотел делать детей?

— Да.

— Вот и чудесно! — почти пропела я. — А то мне очень уж хочется на пляж, но нужно сначала охладить банду гиперактивных старичков. Вот тут-то ты мне и поможешь. А я

взамен научу тебя, как себя вести так, чтобы тебя не ненавидели. Ну, хотя бы не все.

— А ты так уметь? — спросил он. В голосе его явно прибавилось уныния.

— Конечно могу, — сказала я. — Главное всё подавать в нужное время и под нужным соусом. И не обламывать людям праздник так резко и бесцеремонно. Можно открыть наркологический кабинет. А можно — семейную консультацию. Или фирму по оказанию мелких чудес населению. Или вообще договориться с директором, стать новым символом «Бобров» и ничего не делать, только фотографироваться с людьми за деньги. Правда, «Бобры» тогда придётся переименовать, но это такая мелочь! Думаю, при твоих талантах, найти такую работу, на которой не будут ненавидеть тебя, а главное, которую не будешь *ненавидеть ты*, — раз плюнуть. Так что не печалься — мы обязательно подберём тебе занятие по душе.

И мы его действительно подобрали. Правда, не совсем такое, как я ожидала. Но это уже совсем другая история.

Великая Электромагнитная аномалия, Генсек-Танк и 4,5G

*История сия зело
чудесна, да и поучительна весьма.
И не знаю, появятся ли
когда-нибудь в русском
языке слова, окромя матерных,
достойные её описать...*

**Б.П. Галопцев, основатель Университета, почётный
гражданин Города**

Так уж повелось, что за всю историю Города, с момента появления в этих местах первых стойбищ обезьянолюдей и до наших дней, у него (Города) имелись две неизменно присущие ему черты: соревновательный дух и аномальность. Обитавшее здесь в доисторические времена племя обезьянолюдей, в какой-то момент своего существования столкнулось с эволюционной дилеммой: кем быть — обезьяной или человеком. И, так и не сумев определиться, они эволюционировали (а с точки зрения отдельных антропологов — деградировали) в современного человека — наиболее человекообразную ветвь приматов с невероятной способностью обезьянничать.

И именно отсюда, понабравшись ума, люди свалили в более тёплые и менее аномальные края, откуда и начали своё победное шествие по планете, сопровождаемое, замечу, такими глупостями, которые обезьянам и не снились. Но самым интересным фактом является то, что и соревновательный дух, и аномальность уникальным образом сочетались и продолжают сочетаться в наших местах. Одним из примеров этого сочетания была и остаётся наша Великая Электромагнитная Аномалия, которая бьёт своего основного соперника, Курскую магнитную аномалию, сразу в трёх номинациях. Во-первых, она — Великая, потому что её первооткрыватель, Б.П. Галопцев (дальний родственник первооткрывателя Курской аномалии — П.Б. Иноходцева), назвал её в честь императрицы Екатерины Великой, сразу опередив своего родственника на полкорпуса в географическом подхалимаже. Во-вторых, наша аномалия ещё и Электромагнитная, чем просто укладывает свою соперницу на лопатки, так как той на это совершенно нечем ответить. В-третьих, все слова в её названии пишутся с большой буквы, согласно последнему постановлению Особой Комиссии При Мэрии Города По Утверждению Названий И Наименований.

Всё это было хорошо, а местами даже прекрасно, так как вызывало у местных жителей (тех, кто в своё время не успел свалить с кроманьонцами в более тёплые и гостеприимные края), чувство гордости за родной край. Но на самом деле, как и большинство локальных аномалий (например, яв-

но аномальное желание носить килт вместо брюк в Шотландии), наша аномалия приносила немало неудобств (правда, в отличие от того же килта, наши неудобства не пропадали с приходом лета и не усиливались в зимние месяцы, они просто были — и всё тут). Конечно, были и преимущества. Говорят, во время войны немцы пытались захватить Город в виду его высокой стратегической важности: они высылали разведывательно-диверсионные группы и даже пытались посадить десант с воздуха. Но из-за странного поведения всех навигационных приборов ни один вражеский отряд так и не смог найти свою цель, зато все они в полной мере отхватили люлей от нашей погоды, войск НКВД и просто от местных жителей, которые на генном уровне пронесли через тысячелетия неприязнь к собратьям, свалившим когда-то в пещеру Кро-Маньон, с наскальными росписями и прочими удобствами, а также и в другие пещеры, поближе к Лазурному берегу.

Само собой, помимо явных преимуществ в плане обороны, эти же явления били и по самому городу. Регулярное авиасообщение с ним так и не удалось наладить, поскольку самолёты не могли нормально ориентироваться по приборам, и единственным способом попасть в Город по воздуху был полёт ясной ночью с ориентированием по звёздам. Проблемой было малое количество ясных ночей в году, ещё меньшее количество людей, умеющих ориентироваться по звёздам, и непригодность нашего аэродрома к приёму

рейсов ночью. Радиосвязь тоже страдала, но всё же худо-бедно работала до одного инцидента в конце пятидесятых годов прошлого века. На этом инциденте стоит остановиться поподробнее, ибо он также связан с неукротимым духом соперничества, который, как я уже говорил ранее, исторически (и даже доисторически) присущ нашим местам.

Если кто-то вам скажет, что история советского тяжёлого танкостроения закончилась вместе с танками серий ИС, а конструкторская мысль угасла вместе с монстрами типа «Объект-279», рассмейтесь в лицо этому невежде! Последний тяжёлый, я бы даже сказал — невероятно тяжёлый танк был разработан и изготовлен в нашем городе, и все эти ленинградские поделки были просто пигмеями на его фоне. В своё время, учитывая прекрасное расположение города с точки зрения его труднодоступности для врага, в нём был создан танкостроительный завод и при нём конструкторское бюро. Бюро это, из-за вышеупомянутой особенности менталитета местных жителей, сразу принялось, с пылом и жаром, проектировать тяжёлые и сверхтяжёлые танки. Охлаждался этот пыл регулярными новостями, что другие КБ уже спроектировали, а то и выкатили опытный образец чего-то потяжелее того, что только обретало форму на кульманах нашего бюро. Говорят, первые седые волосы появились у главного конструктора, когда он узнал про ИС-2, а когда в Германии захватили Маус, он облысел полностью за одну ночь. Но не в его характере было сдаваться, и он решил сделать нечто та-

кое, что уж точно не придёт в голову ни одному нормальному человеку: переплюнуть Царь-Танк Российской империи. И плевать, что Царь-Танк так и не довели до ума, зато здесь-то его уж точно никто не опередит. Так появился проект Генсек-Танка.

Генсек-Танком он тоже стал не сразу. Сначала он был, сообразно духу времени, танком ИС-150 (Иосиф Сталин 150, где 150 — это проектный вес танка). Когда Иосиф Виссарионович приказал долго жить, а проектная масса перевалила за двести тонн, танк переименовали в НХ-250, где НХ — это Никита Хрущев. Какое-то время танк существовал под этим именем, но однажды в курилке главный конструктор услышал, как молодые сотрудники называют его детище «Нах-танк», «Хрущ-танк» и даже «НаХ#й-танк». После этого открытия главкон решил в принципе отказаться от чьих бы то ни было инициалов в обозначении танка, и тот наконец обрёл своё окончательное имя — Генсек-Танк. В конце концов, рассудил главный конструктор, пока танк проектируется, генеральный секретарь может меняться, а сама его должность — нет.

В конце пятидесятых СССР утёр нос всему миру, запустив спутник в космос, а наш город утёр нос всему миру, включая конкурентов внутри СССР, выкатив опытный образец Генсек-Танка. Танк этот был уникальным практически по всем параметрам, и единственное, что было у него общего с остальной советской бронетехникой — это тради-

ционная оливково-зелёная окраска корпуса. Как известно, внешний вид военной техники определяется её боевыми задачами. Задачей Генсек-Танка было возглавлять советские войска во время броска к Ла-Маншу в случае, если вдруг холодная война превратится в горячую. Это было огромное трёхбашенное чудовище на атомном ходу, с башнями, больше похожими на силосные хранилища элеватора, чем на типичные танковые полусферы. Две боковые башни были вооружены зенитными орудиями и ракетами, дабы прикрывать танк с воздуха, центральная же башня должна была стрелять атомными снарядами, разнося к чертям оборону противника и сея среди него хаос, панику и разрушение. Особый статус танка подчёркивала установленная на центральной башне на вращающемся основании статуя Вождя, оснащённая мощными громкоговорителями. Владимир Ильич, выполненный в традиционной манере, с указующей вдаль рукой, должен был показывать союзным войскам направление на неприятеля, а также поднимать их боевой дух цитатами из классиков марксизма-ленинизма. Вдобавок ко всему статуя была снабжена ракетным двигателем и парашютной системой, на тот случай (пусть вероятность его была ничтожно мала), если коварный враг каким-то образом всё же захватит танк: фигура Вождя, как и боевое знамя или римский орёл, не должна была достаться неприятелю ни при каких условиях. Таким образом, танк получался неуязвимым не только физически, но и идеологически. Этот последний факт больше

всего грел душу главному конструктору, и он уже видел себя осыпанным почестями, льготами, орденами и премиями, как вдруг случился небольшой казус: танк, отправленный на полигон для ходовых испытаний, провалился сквозь землю, успев лишь отстрелить скульптуру Ильича, которая приземлилась в Городе, аккурат на площади Ленина.

Госкомиссия так и не смогла установить точную причину этого происшествия. Среди прочих назывались вес танка, заболоченность местности и подвижность грунтов, а также воздействие собственно Великой Электромагнитной Аномалии, в самом центре которой и засосало злосчастный танк. Как бы то ни было, говорят, что после этого наша аномалия словно взбесилась, так как Генсек-Танк стал чем-то вроде резонатора, многократно усиливающего её действие. С тех пор у нас работает только проводная связь, телевидение исключительно по кабелю, и нет никаких спутниковых каналов и мобильных телефонов. А единственным сообщением с внешним миром остаётся убитое шоссе и железная дорога. Аэропорт стал пристанищем для нескольких вертолётов и пары «кукурузников», которые что-то распыляют в нужный сезон, а также используются для покатушек по праздникам. Ильич же, изготовленный из высоколегированной стали, неподвластной времени и вандализму, практически не пострадал. За исключением того, что цвет его, вероятно, от воздействия высокой температуры при катапультировании, стал непередаваемо радужным. Он всё так же стоит на пло-

щади имени себя, переливаясь всеми красками, время от времени поворачивается на постаменте и выдает, к месту и не очень, какую-нибудь цитату, развлекая этим местных жителей и пугая туристов.

Именно об этом думал я, попивая утренний кофе и глядя, как сосед на своём балконе налаживает спутниковую тарелку.

— Бесполезно ведь, Израэль Абрамович! — сказал ему я. — Ничего не поймаете, я сто раз пробовал.

— И это вы таки собираетесь учить меня жизни, молодой человек? — пыхтя, отозвался он. — А вам бы стоило для начала вспомнить астрономию, если вы вообще слышали про такую науку. И если бы вы её таки вспомнили, то поняли бы, что нацеленная на спутник тарелка должна быть ориентирована выше горизонта, тогда как моя смотрит явно ниже.

На мой взгляд «явно ниже» было не так уж явно, но я не стал спорить, а вместо этого спросил:

— И что же вы там собираетесь поймать?

— Если бы вы знали географию родного города хотя бы наполовину так же хорошо, как плохо вы знаете астрономию, вы бы не задавали таких вопросов! Вы бы знали, что моя антенна нацелена сейчас прямо в то место, где ушёл под землю наш Генсек-Танк. Хотя, его следовало назвать Поц-Танк, после того как он прокинул через это самое место и КБ, и завод, и — я таки не побоюсь этого слова — весь город целиком. Ведь мы могли бы стать танковой столицей Союза, а

вместо этого пришлось выпускать железные кровати и пуленепробиваемые горшки...

Я вздохнул про себя — ожидалась очередная пламенная, но полная печали речь *за упущенные возможности* нашего завода, нашего города, нашей страны и далее, вплоть до человечества в целом. Речи эти, всегда начинаясь с какого-то конкретного события, имели обыкновение развиваться по спирали, с каждым витком охватывая всё бóльшие горизонты и уходя всё дальше вглубь истории. Заканчивались они, в самом лучшем случае, где-нибудь в детстве самого Исроэля Абрамовича, а в худшем — где-то между Ноем и Авраамом. За годы соседства я выработал особый иммунитет к таким речам, которые для моего слуха превращались в монотонный бубнёж, и только в самом конце, когда обычно следовала некая умная мысль или анекдот, мой мозг реагировал на изменения в интонациях и возвращал мне дар восприятия человеческой речи. В этот раз исторический экскурс закончился на удивление быстро, тоска в голосе схлынула, как воды всемирного потопа на сороковой день, и над землёй вновь засияло солнце. Я включил слух.

— ...Когда Исроэль Абрамович был ещё просто Изей Шниперсоном и бегал в коротких штанишках — а бегал, заметьте, в основном от хулиганов и в основном неудачно... Так вот, именно тогда Изе пришла в голову интересная мысль о том, что появление хулиганов в подворотнях по пути домой можно высчитать математически, потому что уже

тогда Изя, хоть и не Перельман, а только лишь Шниперсон, был силён в математике и других точных науках, а хулиганы были сильны лишь в отъёме денег у Изи и ещё одного скрипача из пятой квартиры, несмотря на то, что скрипач возрастом годился Изе в папы,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.